

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 13**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 13**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 13 / С. М. Соловьев —
«Public Domain», — (История России с древнейших времен)

Тринадцатый и четырнадцатый тома сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» посвящены времени, которое, согласно концепции автора, явилось гранью двух самых крупных этапов исторического развития Русского государства. В томе тринадцатом анализируется состояние России в XVII веке; в четырнадцатом дается общая характеристика преобразований Петра I.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 13. От царствования Феодора Алексеевича до московской смуты 1682 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ РОССИЯ ПЕРЕД ЭПОХОЮ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Общий обзор хода древней русской истории. – Различие Восточной и Западной Европы. – Природа Северо-Восточной России. – Москва, ее характер. – Великий государь. – Случаи, когда он являлся пред подданными, выходы и походы. – Его семейные торжества. – Обеды во дворце. – Служня великого государя. – Служня, собиравшаяся на крыльце, и служня, собиравшаяся в передней. – Их интересы. – Местничество. – Комната и доклады. – Сиденье в[еликого] государя с боярами о делах. – Соборы. – Помещики. – Новое войско. – Военные поселения. – Козаки и стрельцы. – Кормление ратных – людей. – Кормление от дел. – Приказы. – Кормление по городам. – Вид древнего русского города. – Воевода. – Губной староста. – Земский староста. – Главные интересы горожан. – Подати. – Службы горожан. – Кормление воеводы и подьячих. – Столкновения горожан с воеводами, с земскими старостами. – Борьба между лучшими и меньшими людьми. – Отношения к верховному правительству. – Судьба преобразований Ордина-Нащокина во Пскове. – Торговый устав. – Сельское народонаселение. – Смысл крестьянского прикрепления. – Стремление крестьян к образованию своих отдельных от города миров. – Печальное положение крестьян. – Необходимость переворота. – Новые учителя. – Раскол. – Обличения. – Церковные соборы. – Затруднительное положение духовенства. – Значение Никонова дела. – Иосиф Коломенский. – Духовник Савинов. – Церковные имена. – Вопрос о детях белого духовенства – Нравы и обычаи. – Поворот на новый путь. – Театр. – Литература.

При первом взгляде на карту Европы нас поражает различие между двумя ее неравными половинами – западною и восточною. На западе земля разветвлена, острова и полуострова, на западе горы, на западе много отдельных народов и государств; на востоке сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этом, что две столько разнящиеся между собою половины Европы должны были иметь очень различную историю. Мы знаем, как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных, подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза; эти выгоды отличают Европу перед другими частями света; на эти выгоды указывают как на причину блестящего развития европейских народов, их господства над народами других частей света. Но, указывая на эти выгоды, должно разуметь только Западную Европу, ибо Восточная их не имеет; природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха. Если исчисленные природные выгоды содействуют ранним и сильным успехам цивилизации, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древний цивилизованный мир (Римская империя) обхватывал в Европе южные полуострова. Галлию и Британию, значит, южную и западную окраины. Средняя и северо-западная Европа, Германия и

Скандинавия, присоединилась к римскому миру, т. е. к греко-римской цивилизации, после за ними примкнули к ней западные славянские племена, и, наконец, уже очень поздно, предъявляет свои права на европейскую цивилизацию и государство, заключившее в своих пределах Восточную Европу. Таким образом, в истории распространения европейской цивилизации мы видим постепенное движение от запада к востоку по указанию природы, ибо на западе сосредоточиваются самые благоприятные условия для ранних успехов цивилизации и постепенно ослабевают, чем далее на восток. Любопытно в этом отношении заметить пределы, где в Европе останавливается наплыв диких азиатских орд, народов первичного образования; и здесь видим ту же постепенность. Наплыв гуннов останавливается на Каталонских полях в Галлии; аварам прегражден дальнейший путь в Германии; мадьяры засели далее на востоке, в Паннонии; татары не могли и здесь остановиться, но наводнили восточную равнину, где и прежде их толпились подобные им народы; вся эта *погань*, по выражению наших предков, сплывает постепенно отсюда на восток, уступая Европе восточную ее половину. Но между поражением Аттилы при Шалоне до покорения Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищение европейской почвы от господства азиатцев, прошло сколько веков! На столько веков, следовательно, история дала ходу вперед Западной Европе пред Восточную. Юго-западные оконечности Европы, впрочем, подверглись в средние века нашествию жителей азиатских и африканских пустынь – арабов, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейском полуострове; в этом отношении при первом взгляде судьба юго-западной оконечности Европы сходна с судьбою восточной ее украины, судьба Испании сходна с судьбою России; и Фердинанд Католик, положивший конец владычеству арабов в Испании, современник нашему Иоанну III, при котором спало татарское иго; но какая, однако, разница: что заимствовали испанские вестготы и другие европейцы у цивилизованного араба и что могли заимствовать русские у татарина с товарищи – башкирца, чувашенина, черемиса и т. п.!

История-мачеха заставила одно из древних европейских племен принять движение с запада на восток и населить те страны, где природа является мачехою для человека. В начале новой европейско-христианской истории два племени приняли господствующее положение и удержали его за собою навсегда: германское и славянское, племена-братья одного индоевропейского происхождения; они поделили между собою Европу, и в этом начальном дележе, в этом начальном движении – немцев с северо-востока на юго-запад, в области Римской империи, где уже заложен был прочный фундамент европейской цивилизации, и славян, наоборот, с юго-запада на северо-восток, в девственные и обделенные природою пространства, – в этом противоположном движении лежит различие всей последующей истории обоих племен. О первоначальном различии в характерах их, о преимуществе в этом отношении одного перед другим и о влиянии этого различия на историю мы не имеем никакого права заключать по недостатку известий; мы видим только, что одно племя изначала действует при самых благоприятных обстоятельствах, другое – при самых неблагоприятных. Конечно, для славянина, т. е. преимущественно для русского, есть сильное искушение предположить, что племя, которое при всех самых неблагоприятных условиях умело устоять, окруженное варварством, умело сохранить свой европейско-христианский образ, образовать могущественное государство, подчинить Азию Европе, – что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовных сил, и, естественно, рождается вопрос: племя германское, поставленное в таких неблагоприятных условиях, сумело ли бы сделать то же самое? Но неприятное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели, не может увлечь русских последовать их примеру.

Славяне на великой восточной равнине Европы. Их селения виднеются по Днепру и его притокам, по Днестру, Западной Двине, Оке, по Ильменской озерной системе. Они живут отдельными родами, каждый род под своим родоначальником; живут иные в городах, но это громкое слово «город» не должно смущать нас, возбуждать мысль о противоречии между суще-

ствованием городов и особого родового быта. Городом называлось всякое укрепление, всякая городьба, и сравнительное изучение явлений вполне объясняет дело: в XVII веке русские военные отряды, распространяя власть великого государя по Северной Азии, находили туземцев, живших отдельными родами, каждый под властью своего родоначальника, или князья; но обыкновенно жилища семей, составлявших род, были укреплены, обнесены острожками, которые русским людям надобно было брать иногда приступом с кровопролитием; в острожке бывало по четырнадцати юрт, а юрты большие, в одной юрте жило семей по десяти. На севере и северо-востоке от славян жили финские племена под подобными же формами быта; на юге и юго-востоке толпились хищные кочевники, сменявшие, толкавшие друг друга. Славянам по временам тяжело приходилось от них, не спасали города, падавшие в одиночку в бесполезном сопротивлении, и степной хищник запрягал славянских женщин в свою телегу.

Промчится буря – и все опять тихо и однообразно по-прежнему; степные хищники исчезнут, оставив только пословицу «изгибоша яко Обри»; силы не возбуждаются постоянным присутствием врага, как возбуждены были силы германцев враждебными движениями римлян; да и как были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на таком огромном пространстве? Было бы слишком смешно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; проверка готова: многочисленно ли было здесь народонаселение спустя много и много веков после описываемого времени? И теперь наша восточная равнина принадлежит к малонаселенным частям Европы; что ж было за тысячу лет назад?

Но пробил час, историческое движение, историческая жизнь началась и для Восточной Европы. По водной дороге, тянущейся с небольшим перерывом или волоком от Балтийского моря к Черному, показываются лодки, наполненные вооруженными людьми: плывет русский князь из Новгорода с дружиною. «Платите нам Дань», – повторяет он в каждом селении, у каждого острожка славянского. Требование не новое, несут меха, лишь бы только избавиться поскорее от гостей. Но на этот раз гости не исчезают, как авары, не уходят в донские и волжские степи, как козары. На высоком западном берегу Днепра поднимается город, стольный город княжеский, мать городов, Киев. Князь усаживается здесь с дружиною, окрестным племенам уже нет более покоя; по всем рекам и речкам ходит князь с дружиною, собирает дань; куда не придет сам князь, придет муж княжой с своею дружиною за данью; смотрят – гости рубят городки и усаживаются в них, садятся в старых городах, которые повыгоднее стоят и которые побольше. Кличут клич: кто хочет селиться около городов, будет защита и льгота; кто знает нужное ремесло, будет пожива, дорого будут платить ратные люди, которым не самим же все на себя делать. И города населяются, начинаются в них торги, стягивается народ отовсюду, пустеют села, князек-родоначальник не досчитывается многих своих, ушли в город, а все были люди хорошие, досужие на всякое дело. Но села опустеют еще больше; кличут клич: князь идет в поход, собирайтесь, кто сможет! Молодежь поднимается, рубят лодки, уходят, и долго нет вести; наконец возвращаются – другие люди! Были они в самом Цареграде, какие чудеса там видели! Какие диковинные вещи с собою привезли! Греков победили, несмотря на все их хитрости, заставили дань платить; а кто отличился, тот в дружине у князя или боярина; чудное житье в дружине: пир да ловы с утра до вечера, всего много у князя, ничего не жалеет для дружины, а какой почет!

Таким образом, история России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т. е. вследствие известного движения, у нас вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, т. е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять ее. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: «Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени». Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их оста-

ются полулюдьми, маленькими людьми, *мужиками*. Мужичи, или богатыри, своими подвигами начинают историю; этими подвигами их народ становится известен у чужих народов; эти же подвиги у своего народа становятся предметом песен, первого материала исторического. Воображение народа поражено подвигами богатырей, их победами над внешними врагами, перемнами, которые произведены их движениями внутри; все это, разумеется, преувеличивается, представляется в гигантских размерах. Все выходящее из ряда обычных, ежедневных явлений младенствующий народ приписывает влиянию высших сил, и богатыри необходимо являются существами выше простых людей, им приписывается божественное происхождение; у нас же при неразвитости мифологии и скором влиянии христианства богатырь хотя и не божественного происхождения, однако по крайней мере чародей: князь Олег, поразивший народное воображение удачным походом на Константинополь и богатствами оттуда привезенными, является необходимо чародеем, вещим. Самый рассказ о подвигах богатыря-чародея приобретает чудо действительную силу, море утихает, когда раздается песня о богатыре «Тут век про Добрыню старину скажут, синему морю на тишину вам всем, добрым людям, на послушанье». Это старинное, форменное присловье показывает нам, что богатырские песни впервые раздавались на тех лодках, от которых Черное море прозвалось Русским.

Богатыри упражняли свою силу, от которой им было грузно, но что же делалось вследствие этого на великой восточной равнине? Мы видели, что среди племен появился город с новым характером, как местопребывание новой власти, мужа княжого; скоро потом в лучших городах являются и князья, сыновья, братья главного князя киевского; с ними дружина, которая не позволит племени удерживать свою независимость, не платить ясака или дани; кроме того, лучшие силы, лучшие люди уходят из племени: одни – в дружину, другие – в промышленное городское народонаселение, в посадские люди. Народонаселение восточной равнины делится уже не по племенам; здесь новое деление, три сословия налицо: ратные люди, дружина, мужичи, пред которыми все остальное, не ратное народонаселение – черные люди, смерды, мужики; но последние делятся также на два разряда: городское, промышленное сословие и сельчан; последние, естественно, ослабели, потеряв лучшие силы, ушли на самый задний план, об них не слышно; летопись, как естественно, рассказывает только о тех, кто движется, этим движением обращает на себя внимание, заставляет двигаться других, производить перемены; летопись поэтому рассказывает преимущественно о князьях и их дружинах, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминает и о горожанах, когда те, разбогатевши, усилившись и воспользовавшись усобицами, разделением и ослаблением князей, подняли голос, начали также двигаться и производить перемены своим движением: но летописец молчит о сельчанах: здесь тихо, нет движения.

Племена исчезают в первый, богатырский, период; вместо них являются волости, княжения с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение центров. Ярослав раздает своим сыновьям волости, города, а не племена; это исчезновение племенных имен служит самым ясным доказательством слабости племенного начала у нас на Руси. В истории Германии мы постоянно встречаемся с саксонцами, турингами, франконцами, швабами, баварцами, и в соответствии этому мы знаем, что особенность, самостоятельность и сила племен были причинами того, что государственное единство Германии стало невозможно, о чем плачут теперь немецкие патриоты. Сила племени, его стремление к особенности и самостоятельности обнаруживаются не в том, что одно говорит там, где другое употребляет ч; влияние племенного начала в истории не обуславливается одними различиями в нравах и обычаях, происходящими оттого, что одни живут в стране болотистой, а другие в сухой, одни в лесах, другие в степи; племенное начало является влиятельным в истории только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто под одну властью и путем исторической деятельности получило ясное сознание о своей самостоятельности, сознание о противоположности своей другим племенам вследствие приобретения осо-

бых интересов. Но замечаем ли мы что-нибудь подобное у наших племен до Рюрика и после него? Неужели отказ платить ясак, когда прежде его не платили, и возмущение части древлян, выведенных из терпения хищничеством киевского князя, похожи на борьбу саксонцев против вождя франков Карла Великого?

Славянское народонаселение различных местностей восточной равнины потеряло свои племенные имена, значит, потеряло сознание о племенных особенностях, о племенных союзах: значит, особенности эти не выдавались резко; значит, союзов этих не было или были они случайным явлением. Быт этих племен, живших отдельными родами, подвергся коренному преобразованию вследствие начала движения, исторической жизни, вследствие появления князя, дружин и городского народонаселения, порознившегося от сельского. Но перемены этим не ограничились: вследствие геройского, богатырского движения, далеких походов на Византию явилась и распространилась новая вера, христианство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселения, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, нанесен был новый, сильный удар: он потерял свое жреческое значение; подле него явился новый отец, духовный, священник христианский, и эта новая власть тянула к городу, потому что там жил архиерей.

Но понятно, что этот переворот в быте славянского народонаселения восточной равнины не мог закончиться в продолжение начального, богатырского, времени, от Рюрика до смерти Ярослава I. Известно, например, как слабо еще укоренено было христианство в конце этого времени и долго спустя, как в Новгороде волхв чуть не обратил всего народа снова к древнему язычеству. Воинственное движение первых князей обхватило все племена и в каждом более или менее повело к означенным переменам; но известно, что юные тела представляют сходство с телами одряхлевшими, ибо и здесь и там действует одинаково слабость; так и новорожденные государства сходны, по-видимому, в том с одряхлевшими, что не могут сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлевшее Римское государство покончило свое существование разделением; разделением новые европейские государства начинают свою историю. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здесь останавливаться на одной видимости, ограничиваться одним внешним, поверхностным взглядом и признать действительное разделение? Конечно, нет. Мы должны, наоборот, обратить все наше внимание на то, на чем при внешнем делении держится внутренняя связь частей, что не дает им обособиться; как постепенно укрепляется связь частей, единство государственное; мы должны следить за развитием, ростом государства, вместе за развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе как едином целом.

Мы видели, что племена не были в состоянии противодействовать усилению государственного единства. Главным препятствием этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружием первых Рюриковичей. С успокоением движения, богатырства, знаменующего начало исторической жизни народа, или с отвлечением этого движения куда-нибудь в другую сторону связь собственной в начале Руси Киевской области с отдаленными волостями могла ослабеть; правители волостей благодаря отдаленности могли устремиться к самостоятельности, особенно если бы главный князь киевский стал требовать от них исполнения тяжелых обязанностей, большой дани себе с их волостей; тогда бы и выгоды народонаселения этих областей совпали с выгодами правителя и все вместе начало бы стремиться к независимости. Чтоб удержать все части в связи, надобно было, чтоб движение, знаменующее первый, богатырский, период, не прекращалось, чтоб представители исторического движения, князь и дружина, не прекращали своего движения, но перебегали бы беспрестанно обширные пространства восточной равнины, не давая волостям обособляться, возбуждая их непрерывно к общей жизни. Это именно явление мы и видим во время, протекающее от смерти Ярослава I до выступления Северной Руси на главную сцену действия. Движение сильное, непрерывное, князья с дружинами переходят из одной волости в другую, идет борьба, усобицы, и вся сила движения сосредоточена внутри русских областей, не выходит

наружу; много видим князей – богатырей не хуже древнего Святослава Игоревича, но ни один из них не переселяется на Дунай. Это движение условливалось родовыми княжескими отношениями: князья разошлись по волостям, даже самым отдаленным, но единство рода сохранялось; главный стол принадлежал старшему в целом роде, а лучшие волости доставались по степени старшинства: отсюда князья только временные владельцы в волостях своих; все их внимание обращено на то, чтоб не потерять своего старшинства как права на лучшую волость; взоры их устремлены постоянно на Киев, и вместо стремления обособиться они считают величайшим несчастьем для себя, если принуждены выйти из общего, родового движения.

Но понятно, что если все внимание князей обращено на одно общее средоточие, если у них у всех один общий интерес, если все тянут к Киеву, то и волости, и народонаселение этих волостей не могут обособиться; ростовцы и черниговцы, владимирцы на Волыни и смольняне должны обращать постоянное внимание на Киев, на Переяславль; ибо перемены, которые произойдут здесь, непременно повлекут за собою важные перемены и для их области: или прежний князь уйдет, придет другой на его место, или начнется усобица, в которой их князь, и они сами должны будут принять участие. Таким образом, посредством родовых княжеских отношений, посредством беспрестанных передвижек князей и дружин их из одной области в другую народонаселение и самых отдаленных областей не могло высвободиться из общей жизни, постоянно имело общие интересы и укореняло в себе сознание о нераздельности русской земли. Разумеется, частые смены князей вследствие родовых их счетов и усобицы, от запутанности в этих счетах происходившие, должны были иметь тяжелые последствия для народонаселения областей; но нельзя было заставить князя отказаться от родового единства: новгородцы пробовали было завести у себя постоянного князя, но безуспешно. По крайней мере связь с Киевом ничего не стоила областям в другом отношении: они ничего не платили в Киев и были от него совершенно независимы.

К единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношениями, присоединялось единство церковное: единый митрополит жил в Киеве, и к нему тянули епископы всей русской земли, к Киеву тянуло все русское христианство, которое все более и более распространялось по восточной равнине, тесня славянское и финское язычество. К Киеву тянуло русское христианство не потому только, что там было средоточие церковного управления: из Киева распространилось христианство повсюду, сперва вследствие ревности князей и движения их с дружинами по областям, но потом из Киева же пошли с проповедью христианства монахи: Киево-Печерский монастырь рассылал епископов повсюду; религиозное движение к Киеву по всем частям русской земли, обычай ходить на поклонение святыням Киева не со вчерашнего дня.

Таким образом, то время, которое с первого раза кажется временем разделения, розни, усобиц княжеских, является временем, когда именно было положено прочное основание народному и государственному единству. Во время, протекшее от призвания князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты в общую жизнь, быт их подвергся изменениям: но это были во всем только начатки; чтоб эти начатки развились, укрепились, нужно было продолжение такого же сильного движения князей и дружин их, движения, сосредоточенного в области, намеченной оружием первых князей. И действительно, мы видим это движение, совершающееся вследствие единства княжеского рода, родовых счетов между князьями. Время и от смерти Ярослава до Боголюбского представляет нам продолжение того же героического, богатырского периода движения, имеющего целью пробуждение исторической жизни. Князья по-прежнему отличаются богатырским характером; они движутся беспрестанно из одной области в другую; усесться на одном месте, завести что-нибудь прочное, постоянное не в их характере; хороший князь не должен ничего копить, собирать впрок, должен все раздавать дружине, с которою может добыть все; князь имеет в виду постоянное движение с одного стола на другой до тех пор, пока не сложит костей в заветном Киеве, подле гробов

отцовских и дедовских. Князь-богатырь, который оставил по себе больше других славы, Мономах, сам подал о себе весть потомству, описал свою деятельность; эта деятельность состояла в вечном движении, в непрерывных походах из одной стороны в другую. Если мы взглянем на карту России и припомним, что должно было представлять это обширное пространство в XI и XII веках, то понятно нам станет значение Мономаха, значение этой постоянной передвижки, беготни, под условием которых поддерживались начатки исторической жизни во всех частях, поддерживалось всюду сознание о единстве русской земли.

До призвания князей существовали отдельные племена, сходством своим способные принадлежать к одной народности; с призванием князей, с началом исторического движения племена приводятся в связь, преимущественно внешнюю, начинается переработка их быта; но только благодаря явлениям, характеризующим время от смерти Ярослава до конца XII века, является русский народ.

Так важно было продолжение движения на великой восточной равнине Европы, продолжение героического, богатырского периода русской истории по условиям, среди которых эта история началась, по обширности и девственности страны. Но теперь всмотримся в следствия этого продолжительного движения. Когда мы представляем себе постоянное продолжительное движение, то это представление не дает места представлению о чем-либо прочном, установившемся. В Западной Европе при начале ее новых государств мы видим движение германских дружин с их вождями в области Римской империи и вооруженное занятие ими этих областей. Но здесь мы видим, что пришельцы овладевают землею, усаживаются на ней, главные вожди из своих обширных земельных участков выделяют другим в пользование с известными обязанностями; волости, розданные во временное владение, по разным причинам становятся наследственными; слабый землевладелец, желая приобрести покровительство сильного соседа, отдает ему свою землю и получает ее назад уже с известными обязанностями к сильному. Здесь, на Западе, на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом, связь, которая в первые времена, времена слабости государственного организма, точно так же содействовала сохранению единства страны, как наши родовые княжеские отношения. Земля, отношения по земле составляют сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выражению одного историка, есть как бы религия земли. Недвижимое имущество, земля, господствует, и только после, вследствие развития промышленности и торговли, процветания городов, получает важное значение движимое имущество, деньги, является и денежная аристократия подле земельной. Но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления. Как ни вчитываемся в летопись, чтоб подметить в ней указания на земельные отношения дружины, – не находим ничего. И опять если обратим внимание на главное условие, при котором началась и продолжалась русская история, именно на обширность страны и малочисленность народонаселения, то дело объяснится легко: земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее народонаселения; главный доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани, которую князь собирал с племен и которая потом продавалась в Греции; вначале если князь не ходил за данью, то дружина его бедствовала. «У Свенельдовых отроков много оружия и платья, а мы босы и наги; пойдем, князь, с нами за данью!» – говорит дружина Игоря. Известие драгоценное, показывающее нам, как мы должны смотреть на дело. Дружинники не усаживаются на выделенных им земельных участках в самостоятельном положении землевладельцев, обеспеченных доходом с этих земель; они остаются с прежним характером спутников, товарищей князя, остаются при нем в полной зависимости от него относительно содержания; они привязаны к особе князя, вождя своего, который их кормит и одевает; кормит и одевает дурно, они ропшут, и если ропот не производит действия, если князь не уступает им, как уступил Владимир, выложивший серебряные ложки вместо деревянных, то дружинники уходят к другому князю, который щедрее. Но, может быть, так было только вначале, после

отношения переменялись? Нисколько: от позднейшего времени доходят до нас известия, что дружинники кормились не от земли, но получали от князя денежное жалованье; летописец, жалуясь на усиление роскоши, говорит, что прежние дружинники не позволяли женам своим излишней роскоши и потому довольны были сотнею гривен, получаемых от князя, а теперь говорят: «Мало мне, князь, ста гривен!» – потому что жены их стали носить золотые украшения вместо серебряных.

Иначе и быть не могло при родовых княжеских отношениях, когда князь не был крепок в своей волости, но, стремясь по родовой лестнице к старшему столу, переходил из одной волости в другую; дружина следовала за ним; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевке могла ли недвижимая земельная собственность иметь важное значение?

Таким образом, дружина после появления ее на восточной равнине в продолжение нескольких веков не усаживается, но сохраняет первоначальный характер, характер военного общества, братства, которое со своим вождем движется, ища подвигов и добычи. Дружина хорошо, весело живет при князе: князь – старший товарищ, старший брат, а не повелитель; он не таится от дружины, дружина знает всякую его думу; он ничего не щадит для дружины: ни еды, ни питья, ничего не копит себе, все раздает дружине: а не хорош князь, думает свою думу врознь от дружины, скуп князь или завел любимца, дружинники покидают его; им легко это делать: они не связаны с областью, где правит покинутый князь; они русские, а русская земля велика и князей много, каждый с радостью примет доброго воина. Так в продолжение целых веков русские дружинники привыкли жить в этой первоначальной форме военного братства, привольно двигаясь из волости в волость на неизмеримом пространстве, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочет князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнем дне, не чувствуя никакого давления сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своих прав, привыкли избегать всякой неприятности, всего дурного не сопротивлением, но уходом, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовых княжеских отношениях и важных следствиях этих отношений для дружины, мы не должны упускать из виду одного чрезвычайно важного обстоятельства, именно быстрого размножения членов Рюрикова княжеского рода. При веденный нами случай, когда дружинники становятся землевладельцами, не есть единственный случай образования сильного вельможества в стране. Вельможество происходит также, когда князь раздает своим приближенным города и целые области в управление; эти правители, естественно, приобретают важное значение и передают его потомству. Так произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинает бороться с королевскою властью, ограничивать ее. Но в России очень быстро размножаются члены княжеского рода, вследствие чего все области и все сколько-нибудь значительные города управляются князьями и для бояр прегражден, таким образом, путь к образованию могущественного, вроде польского, вельможества; на первом плане князья, их родовые счеты и движения, борьбы вследствие этих счетов; дружина, увлеченная вихрем этого движения, не успевает приобрести никакого самостоятельного значения; отсюда понятно, почему в описываемое время князья наполняют почти исключительно всю историческую сцену; летопись является летописью княжескою, говорит о князьях, их одних имена попадают беспрестанно в глаза и производят такое утомительное однообразие.

Но всмотримся пристальнее: подле князей и дружин их, не усевшихся, перекочевывающих из одной области в другую, что обличает общество новорожденное, мы замечаем любопытное явление, которое еще более обличает новорожденное общество, явление, уже невозможное в обществе сколько-нибудь зрелом, сформировавшемся, – летопись упоминает о богатырях, людях, отличающихся особенною физическою силою и храбростию и которые не входят в дружину княжескую, составляют особую силу, помогая то тому, то другому князю.

История может еще подметить на девственной восточной равнине процесс первоначального выделения сил из народонаселения, приведенного в движение. А если сравним общество, о котором идет речь и которое мы называем новорожденным в смысле общества европейского, отличающегося сложностью своего построения, чем оно и выше, совершеннее других обществ, – если мы сравним русский народ XI и XII века с соседями восточными, то как высоко станет он! Подле степь с ее кочевыми обитателями; и здесь мы опять можем наблюдать переход народов от кочевого быта к оседлому: между дикими степными кочевниками и оседлою Русью образуются народцы полукочевые и полуоседлые, полунезависимые, имеющие собственных князьков, но признающие верховную власть русских князей, причем, однако, нередко изменяют в пользу своих диких собратий.

Но в то время как на восточной равнине князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырский характер, не покидают движения, не привязываются землевладением, как на Западе, города, которым, вследствие счастливого положения своего, удалось подняться чрез промышленность и торговлю, необходимо должны были приобрести важное значение именно потому, что другие силы, князь и дружина, представляли начало подвижное, изменяющееся, а города представляли постоянное, прочное. Волости, земли, второстепенные, младшие города тянут к старшему, сначала потому, что там живет князь; но теперь князья меняются, спорят, трудно разобрать, кто из них прав. И младшие города, вся волость, естественно, по старой привычке смотрят на старший: что там скажут? Как решат, так и все другие решат. Старшие города, жители его, собранные на вече, являются, таким образом, властью, и на чем они, старшие, положат, на том и пригороды станут. При множестве князей, их спорах и усобицах города, естественно, стремились к тому же положению, какое приобрела дружина: переходить от дурного князя к лучшему. Вскоре по смерти Ярослава, когда явилось уже несколько князей, киевляне выгоняют князя, который не умел защитить их от половцев, и берут себе другого, его пленника. Впоследствии эти явления повторяются где чаще, где реже, в Новгороде Великом чаще всего. Естественно, что при этом происходили условия, ряды. Только новгородские ряды дошли до нас; что же касается до других городов, то нельзя думать, чтоб в них было много определений относительно самостоятельности городского управления: как дружинник, имея возможность обеспечивать себя лично свободным переходом, забыл думать о каких-либо других определениях своего сословного положения, точно так и города встречали препятствие к точнейшим определениям своего быта именно в возможности переменить дурного правителя и судью; призовут на его место хорошего, уговорятся с ним, чтоб поставил всюду хороших второстепенных правителей и судей, и все пойдет хорошо. На западе владелец жил постоянно тут, был вечным землевладельцем; от его притеснений городу не было другого средства, как поцеловать крест, *стоять за один* (*jurer la commune*), с помощью высшего авторитета заставить притеснителя определить навсегда свои отношения к городу. На Руси же иное дело: против князя доброго и несильного не нужно обеспечений, а придет на его место князь сильный, тот не станет смотреть на ряд своего предшественника, не будучи с ним ничем связан, часто будучи врагом его; высшего же авторитета, который бы мог утвердить права города относительно его князя, нет; все князья равны на своих столах и высшего над собою не признают. Наконец, лучшее доказательство неразвитости самоуправления в древних городах русских – это когда некоторые из них подпали под власть Литвы, то приняли чужие формы самоуправления, именно немецкое магдебургское право: чужие формы добровольно берутся тогда, когда нет своих.

Духовенство, начальные его люди, архиереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не иметь большого влияния на дела волости, на ее отношения к князьям; владыке принадлежало первое место во всяком видном случае. Среди постоянно движущихся, друг с другом воюющих князей, среди движущихся вместе с князьями дружин, среди волостей, колеблющихся, мятущихся вследствие этого движения и борьбы, единый митрополит киевский и всея Руси мог бы приобрести огромное значение: это была одна

постоянная сила среди других движущихся, следовательно, слабейших. Но этот митрополит был обыкновенно грек, чужой человек, без языка перед народом, без влияния.

Таким образом, во сто лет, протекшие от смерти Ярослава I, мы видим, что преимущественно вследствие продолжения движения все элементы задержаны в своем развитии, налицо все первоначальные формы: бродячие дружины, члены их, сводобно переходящие от одного князя к другому, в челе дружин неутомимые князья-богатыри, переходящие из одной волости княжить в другую, ищущие во всех странах честь свою взять, не помышляя ни о чем прочном, постоянном, не имея своего, но все общее, родовое; вече с первоначальными формами народных собраний безо всяких определений; а тут, на границе, кочевники переходят к полuosедлости, немного далее, в степи, виднеются вежи и чистых кочевников. Все здесь, на восточной равнине, отзывается первобытным миром, общество как будто еще в жидком состоянии, и нельзя предвидеть, в каком отношении найдутся общественные элементы, когда наступит время перехода из этого жидкого, колеблющегося состояния в твердое, когда все усядется и начнутся определения.

Когда же и где именно, при каких условиях начались эти определения? От уяснения этих вопросов зависит уяснение всего последующего хода истории. Мы видели, что история сначала выбирает всегда лучшие земли, и отсюда постепенность исторического движения в Европе с юга на север или с юго-запада на северо-восток. То же самое видим и у нас, на восточной равнине. История начинается здесь, на западе, на водном пути из Балтийского моря в Черное; начинается на северо-западе, но уже второй князь переселяется с севера на юг, в среднее Приднепровье, в лучшие страны, где и образуется собственная в древности Русь. Здесь, в западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первых князьях и сто лет спустя по смерти Ярослава Великого. Но мы видели, что изначально славянам суждено было двигаться на северо-восток, в страны, более и более обделенные природою: какой-то сильный враг когда-то потеснил славян с Дуная и заставил часть их поселиться по рекам восточной равнины; но и тут, в лучших юго-западных частях этой равнины, они не могли долго оставаться в покое даже и тогда, когда русские князья соединили их и в челе дружин своих стали на стороже русской земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни русские князья с их дружинами, ни русские городки не могли сдерживать наплыва кочевников; города и села лежали пустые, обгорелые, пахарь не смел выехать на работу, половецкие вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей в далекие степи на разгром хищников приносили только минутное облегчение. Черниговский князь объявил, что его волость опустошена, что в его городах живут только псары да половцы; другие пограничные со степью княжества не могли быть в лучшем положении. Усобицы княжеские происходили преимущественно в этих же странах, и князья приводили тех же половцев.

Такое несчастное положение юго-западной Украины необходимо заставляло часть ее жителей выселяться в страны более спокойные. Эти страны были именно отдаленные северо-восточные волости русские, суровая климатом, бедная населением область верхней Волги, где князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельников, давали им льготы, строили им города.

В каких же условиях нашлось народонаселение в этой новой стране?

Если в старой, западной или юго-западной, Руси племенное деление имеет так мало исторического значения, то в новой, северо-восточной, Руси о племенах нет и помину. Летопись до прихода варяго-русских князей указывает здесь финские племена; но в половине XII века мы имеем здесь дело уже со славяно-русским народонаселением. Прибытие одних русских князей с их дружинами не могло ослабить туземцев: мы знаем, как обыкновенно господствующий класс сохраняет одну народность, а низшее народонаселение – другую; для ослабления северо-восточной Руси необходим был сильный приплыв славянского народонаселения в города и села. Но этот приплыв совершился не целыми особыми племенами, а вразброд; сте-

кались поодиночке или небольшими толпами из разных местностей, сталкивались с чужими, с иноплеменниками, без возможности, следовательно, сейчас же составить крепкий союз, приходили с сознанием своей слабости, зависимости. В западных областях славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востоке, наоборот, славянские поселенцы являются в страну, где уже хозяйничает князь; князь строит городки, призывает насельников, дает им льготы; насельники всем обязаны князю, во всем зависят от него, живут на его земле, в его городах. Эти-то отношения народонаселения к князю и легли в основу того сильного развития княжеской власти, какое видим на севере. Разумеется, многое зависело здесь от того, воспользуются ли князья своими выгодными отношениями к новому народонаселению, к новым своим городам, не встретят ли в других частях народонаселения сильных препятствий. Явился именно такой князь, который как нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношениями к новому народонаселению, именно Андрей Боголюбский. Он переселяется жить из старого города Ростова Великого в новый Владимир на Клязьме, где нет вече, где власть княжеская не встретит преград. Андрей понимает очень хорошо значение слов *мое, собственность* и не хочет знать юга, где князья понимают только общее, родовое владение. Андрей, как древний богатырь, чувствует силу, получаемую от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда; он не покидает этой земли, не переезжает в Киев, когда тот достался ему и по родовым правам, и по правам победы. Этот первый пример привязанности к своему, особому, первый пример оседлости становится священным преданием для всех северных князей, и отсюда начинается новый порядок вещей.

Мы сказали: при начале утверждения нового порядка вещей многое зависело от того, воспользуются ли князья своим выгодным положением, не встретят ли препятствий в других частях народонаселения? Дело не обошлось без борьбы. Южные князья-богатыри, привыкшие смолоду никого не бояться, кроме бога одного, встали, увидав, что Андрей, северный самовластец, стал обходиться с ними не по-прежнему, не как с родственниками, но как с подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное против них на юг, но этим оборонительным действием князей дело и кончилось на юге; север с зачавшимся в нем новым порядком остался не тронут. Новгород Великий с храбрым князем, приехавшим к нему с юга, отбил от полков Андреевых, видел бегство их от стен своих, но этим оборонительным действием со стороны сильнейшего самовластительного города на Руси дело и кончилось; Новгород Великий не помог Ростову Великому, в который Андрей ударил пятою, по тогдашнему выражению, переехал жить в пригород и украшал этот пригород как стольный город назло старому Ростову. Мы видели, как привыкли жить дружинники с князем, не как с повелителем, но как со старшим, товарищем, как с вождем, которому служат по любви, из охоты и покидают при первом неудовольствии. Андрей не ужился с этими обычными требованиями дружины и погнался из своей волости старых бояр отцовских: что же бояре остальных волостей русских? Встали за обиду товарищей? Нисколько.

Повсюду ограничились только обороною от наступательных действий северного самовластца; он остался нетронутым в своей волости. Здесь борьба не кончилась: Андрей пал жертвою нового порядка, им введенного, бояре убили его. Но это воровское дело, это ночное нападение, ночное убийство сурового господина показывает лучше всего слабость в людях, совершивших преступление. Однако человека, сжимавшего все в сильной руке, не было более, следовательно, теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вечевой город Ростов, хочет низложить дерзкий пригород Владимир, взявший первенство по воле князя; со старым городом по единству выгод соединяются бояре; но пригороды побеждают, Ростов окончательно теряет свое значение, и князья утверждают в пригородах, где нет вече, где власть их ничем не стеснена.

Исход борьбы между старым городом и новыми имел решительное влияние на дальнейший ход событий на севере, а следовательно, и в целой России, ибо север получает преобла-

дающее значение. Мы видели, что вследствие родовых княжеских отношений, перемещений и усобиц власть княжеская являлась чем-то непостоянным, изменяющимся, и во сколько она ослабела чрез это, во столько выиграло значение старшего города в волости, который представлял власть постоянную. Таким образом, в земле подле власти княжеской являлась другая власть, и чем чаще в которой земле менялись князья, чем с меньшими силами приходили они как искатели волости, стола, тем более поднималось значение другой, постоянной власти, города: так, Новгород Великий поднялся до значения государя, хотя не исключил и власти княжеской, остался при выработанном историею двоевластии, не постаравшись о более точном юридическом определении. Такое двоевластие было более или менее и в других областях, в других землях во время господства родовых княжеских отношений. Но как скоро на севере князь сделал первую попытку установиться, сделаться властью постоянною, то, естественно, он прежде всего должен был столкнуться со властью старшего города. Исход столкновения легко было предвидеть на севере, где князь явился повелителем страны, строителем городов, где князь, следовательно, создал себе силу, опираясь на которую мог начать поведение, каким отличался Андрей Боголюбский. Андрей, впрочем, как видно, не вступал в открытую борьбу со старым городом Ростовом, он только оставил его и устроил себе свой стольный город в пригороде Владимире, он точно так же поступил и с Киевом, старшим городом во всей Русской земле; племянник его Ярослав Всеволодович хотел точно так же поступить с Новгородом, покинувши его и утвердивши свое пребывание в пригороде Торжке. Только когда по смерти Боголюбского ростовцы высказали свои требования, началась открытая борьба между ними и братьями Андрея, кончившаяся поражением ростовцев. Не удивительно, что борьба была непродолжительна; обратив внимание на положение Ростова, трудно предположить, чтоб этот город был силен, имел многочисленное народонаселение вследствие большой торговой деятельности; трудно предположить, чтоб этот город, запряганный своими строителями, финскою мерею, от живого пути, от Волги, к печальному мертвенному озеру, – чтоб этот город процветал, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложен был старый вечевой город, и на севере водворилось однообразие: все города новые, назначительные; Ростов заброшен, Владимир не успел еще подняться в значении столицы великокняжеской, как был razoren татарами и также заброшен; великие князья живут в своих *опричинах*, в своих наследственных городах: то в Переяславле, то в Твери, то в Костроме, то в Москве. Нельзя не заметить в русской истории относительно городов важной по своим последствиям односторонности: в западной половине, где была главная историческая сцена в древности, мы видим ряд значительных городов, процветавших именно потому, что они были на дороге из варяг в греки, т. е. из Северной Европы в Южную; в северо-восточной части, которая теперь выступает на первый план, по другим, менее благоприятным природным условиям, значительных городов нет, и потому не обнаруживают они влияния на последующий ход событий, которые совершаются мимо их. Города являются здесь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здесь сложившееся, окрепнувшее, получает преимущественно характер государства земледельческого.

Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Южную, из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все. Но Западная Россия, что же с нею сделалось? Она осталась на своем месте, не могла передвинуться на восток! Запад-

ная Россия, потеряв свое значение, потеряла способы к дальнейшему материальному, государственному и нравственному развитию, способы иметь влияние на Восточную Россию результатами своего общения с европейскими народами. Мы видели, чему подвергалась она вследствие соседства своего со степью, с хищными кочевниками, половцами. Татары и литва разорили ее вконец. Киев, в старину вторая Византия, являлся путешественнику в виде ничтожного городка с окрестностями, похожими на кладбище. Запустелая, лишенная сил, раздробленная, юго-западная Русь подпала под власть князей литовских. Галич, счастливый уголок, где было сосредоточились последние силы юго-западной Руси, быстро поднялся и процвел, но скоро и пал вследствие своего уединения от остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь в описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между восточной и западной Русью рушилась; мало того, возникла вражда вследствие соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особых митрополита, в Киеве и Москве.

Кровный союз был нарушен, родные братья разделились, разошлись; сколько от этого разделения потеряно было материальных сил – об этом говорить нечего. Деньги – дело нажитое, говорит пословица; так и вообще материальные силы; но сколько от этого раздела, от этой долгой жизни особняком потеряно было нравственного, духовного богатства! Русский человек явился в северо-восточных пустынях *бессемен* во всем печальном значении, какое это слово имело у нас в старину. Одинокий, заброшенный в мир варваров, последний, крайний из европейско-христианской семьи, забытый своими и забывший о своих по отдаленности, разрознившийся и от родных братьев – вот положение русского человека на северо-востоке: и целые века предназначено было ему двигаться все далее и далее в пустыни востока, жить в отчуждении от западных собратий. Но если для развития сил как отдельного человека, так и целого народа необходимо общество других людей, других народов, если только при этом условии возможно движение мысли, расширение сферы деятельности, то понятно, какие следствия для русского народа должно было иметь отсутствие этого условия.

Другие, благоприятные, условия могли бы, хотя отчасти, восполнить недостаток главного условия, необходимого для успешного развития народной жизни, например благоприятный климат, плодородие почвы, многочисленное народонаселение в обширной и разнообразной стране, что делает возможным разделение занятий, обширную внутреннюю торговлю, непрерывные сообщения различных местностей друг с другом, процветание больших городов. Ничего подобного не могло быть в Северо-Восточной России. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно действовать на дух человека, развивать в нем чувство красоты, стремление к украшению жизни, поднимать его выше ежедневного, будничного однообразия, приводить в праздничное состояние, столь необходимое для восстановления сил. Малочисленное народонаселение было разбросано на огромных пустынных пространствах, которые беспрестанно увеличивались без соответственного умножения народонаселения. Все это было бедно и слабо без возможности к самостоятельной жизни, без возможности защиты при встрече с какою бы то ни было силою. Посмотрим, что иногда происходило в городе относительно довольно значительном? Жители прячутся, затворяются ставни домов, запираются лавки: в город въехал приказчик соседнего богатого землевладельца, окруженный толпою подвластных ему крестьян, и похваляется всякою похвалюбою на горожан. Эта слабость отдельных частей вела к тому, что все они и во всем обращались к Москве, туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознание своего положения и отсюда могущественные побуждения упорно охранять одно и отвергать другое зависят от сосредоточения больших масс в одной местности с сильною и разнообразною деятельностью. Когда народ сплочен внутренне вследствие достаточного числа жителей соответственно обширности страны; когда народ сплочен разделением занятий, поставившим различные местности, различные части народонаселения в неразрывную связь и зависимость друг от друга; когда

эти местности и части народонаселения находятся в непрерывном общении друг с другом, связаны общими интересами, принимают горячее участие в судьбе друг друга, одним словом, живут сознательно общею жизненною, – то такая внутренняя сплоченность, связь, условливает возможность децентрализации, возможность самоуправления частей без вреда политическому единству; когда разбитый член организма внутренне сросся, тогда внешние повязки и лубки более не нужны. Наоборот, когда части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особою жизнью, не связаны разделением занятий; когда нет больших городов, кипящих разнообразною деятельностью, когда сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет, – то раздробленные таким образом части приводятся в связь, стягиваются правительственною централизациею, которая тем сильнее, чем слабее внутренняя связь; централизация восполняет недостаток внутренней связи, условливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось: это хирургическая повязка на больном члене, страдающем потерю внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видели, в каком выгодном положении с самого начала нашелся князь на северо-востоке и как он воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбского, брат его Всеволод III и потомки последнего, неуклонно верны преданию, полученному от первого самовластца. Каждый князь, ставши по родовым счетам великим или старшим, не оставляет своей прежней волости для столицы великокняжеской, Владимира, который, таким образом, после татарского погрома не имел возможности поправиться, получить значение, принять участие в княжеских спорах, усобицах, его роль страдательная, все делается мимо его. Каждый великий князь стремится воспользоваться теперь своим значением, своею силою, чтоб увеличить свою волость, свое владение на счет других княжеств. Вместо прежнего движения из одной волости в другую, какое мы видели в древней, Юго-Западной, России, в России новой, Северо-Восточной, видим оседлость князей в одной волости, князь срастается с волостью, интересы их отождествляются, усобицы принимают другой характер, имеют другую цель, именно усиление одного княжества на счет всех других; при такой цели родовые отношения необходимо рушатся, ибо тот, кто чувствует себя сильным, не обращает более на них внимания. Одно княжество наконец осиливает все другие, и образуется государство Московское.

При этом образовании московский князь, теперь государь всея Руси, утверждает за собою то выгодное положение, в котором являются первые северные князья. Соответственно тому отношению, в каком мы нашли вначале северное народонаселение к князю как хозяину, населителю страны, создателю городов, в соответствие этому отношению в Московском государстве свободный человек называет себя человеком великого князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на севере, сохраняет свой прежний характер: единственное право, которое она ревниво бережет, право, вынесенное ею из старой Руси, – это право свободного перехода от одного князя к другому: «Боярам и слугам вольным воля». Таким образом, князь опередил дружину: в то время как он начал новый порядок вещей, уселся, припав к земле, и, как богатырь, получил отсюда новые силы, дружина продолжает еще бродить, кружиться, и в этой способности двигаться полагает свое единственное право или ручательство всех прав; дружина, следовательно, страшно отстала от князя, отстала на целый период. Если некоторые дружинники усаживаются и получают от этого силу, то движение остальных мешает дальнейшему их усилению, мешает определению отношений. У сильнейшего князя выгодно служить, и по праву свободного перехода дружинники отовсюду стремятся в Москву, идут туда бояре с опустошенного юга с многочисленными дворами, новые пришельцы *заезжают* старых, по местническому выражению, начинается борьба, усобица в боярстве, и, если один боярин через меру усилится и станет опасен, князь найдет против него всегда опору в его соперниках. Так погиб опасный Алексей Петрович Хвост от вражды со своими собратиями. Опасен становится важный сан тысяцкого, грозивший стать в одной знатной

фамилии, – и Димитрий Донской уничтожает этот сан. Тщетно сын последнего тысяцкого, Вельяминов, хлопочет и в Твери, и в Орде, поднимая грозу против московского князя: его ревностный союзник – богатый купец московский, и никто из бояр: голова Вельяминова надает под топором палача на Кучкове поле, народ плачет; о боярах ни слова не говорится в летописи, не говорится, чтоб они показали сочувствие к судьбе собрата; точно так же при внуке Донского безуспешно кончилось восстание боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. Таким образом, в это важное время, когда московский князь собирал русскую землю, становился государем, самовластным хозяином всей Северо-Восточной России, в дружине мы видим одиночные попытки того или другого сильного лица, того или другого сильного рода подняться; но при столкновении с властью великокняжескою, при борьбе, силы оказываются далеко не равными: восставший боярин действует во имя своего личного интереса, не поддерживается внутри всеми собратиями, действует посредством других князей или хана. Дружина остается при прежнем: «Боярам и слугам вольным воля».

К концу первой половины XV века двор великого князя московского наполняется пришельцами нового рода, князьями – потомками Рюрика и Гедимины, которые по своему происхождению становятся на первом плане, оттесняют старых бояр на второй, чем, разумеется, возбуждают к себе их неприязнь. Таким образом, вместо увеличения сил дружины от приплыва князей силы уменьшаются, ибо происходит разделение интересов. Притом князья являются в Москву с одними притязаниями на важное значение, без средств поддержать их. Некоторые удерживают за собою прозвания, от прежних княжеств своих заимствованные, но правителями этих княжеств не остаются, не имеют, следовательно, никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняют никакого значения в областях, где правительствовали их деды; их здесь скоро забывают, они не живут здесь, их место, как дружинников, постоянно в Москве подле великого князя. Они сохраняют несколько вотчин, но эти вотчины дробятся вследствие равного разделения между всеми сыновьями; кроме того, часть их еще отходит в монастыри на помин души. В том же самом положении относительно средств своих находятся все бояре, вся знать, т. е. все они бедны средствами. Князья и бояре бедны, а великий князь очень богат; он примыслил себе множество земель, а земля при младенческом состоянии Московского государства, государства земледельческого, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержания. Это земельное богатство дает средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить зараз преграду притязаниям князей и знати; средство к тому – *поместье*. Раздачею земельных участков во временное владение за службу великий князь создает себе свое многочисленное войско, вполне от него зависящее, от него получающее содержание. У князей и бояр нет во владении больших областей, городов, даже укрепленных замков, где бы они могли жить более или менее независимо: издавна дружинники, не получившие на Руси значения землевладельцев, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничие и думные люди, и князья, вошедшие в ряды их, живут постоянно в Москве и беспрестанно толпятся во дворце; в XV, XVI и XVII веках отношения остаются те же, какие были в X и XI. О королях Испании и Франции говорится, что они усилили свою власть, свое значение, перетянув знать из замков к своему двору; в России этого перетягивания и не могло быть, ибо не было периода в русской истории, когда бы знать жила независимо в замках; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характер и непосредственное отношение к князю, с которым не расставалась. При образовании Московского государства князья служилые и знать вообще не могли по бедности наделять землями других неимущих и таким образом составлять свое войско и вообще не имели средств содержать свое войско, свой двор: один великий князь имел возможность раздавать земли и этим средством создавать себе войско. Легко понять следствия. Для современников отношения были ясны: польские магнаты, рассуждая о выборе московского царя в короли, говорили, что этот выбор им невыгоден, потому что московский царь богат и потому переведет всю слу-

жащую у них шляхту в службу к себе. Так уже и было сделано при Иоанне III, когда великий князь, отобравши земли у новгородского духовенства, роздал их в поместья людям, взятым из дворов знатных людей.

Великий князь крепко утвердился в стране, он в ней полновластный хозяин, жители называют себя людьми великого князя, он распоряжается землею, он создает себе многочисленное войско; а старая дружина, знать, в челе которой стоят теперь князья, постоянно обращает взоры назад, к старому, отжившему порядку вещей и вместо определения отношений и указания новых условий, вместо оседлости, прочной установки, хочет сохранить прежний характер дружины, хочет постоянно двигаться, хочет удержать за собою движение, переход как право: «А боярам и слугам вольным воля». Легко понять, как отстала эта московская знать, какого порядка являлась она представительницей, порядка, который для Западной Европы кончился со вступлением германских дружин на римскую почву; московская знать жила еще преданиями богатырского периода. Но этот период давно уже кончился на севере, в Москве; здесь князья установились, и вместо многих равноправных князей стал один государь всея Руси, переходить от него стало не к кому более, разве к государям чужих стран, но это уже тяжело, это уже измена. Право бояр и слуг вольных прекратилось само собою; воля исчезла вследствие естественного хода событий, никто ее не отнимал; гарантии прежнего выгодного положения нет более; великий князь резко выделяется, высоко поднимается над старыми дружинниками по своим независимым средствам, по своему значению для остального народонаселения страны; среди всеобщей скудости он один мог окружить себя великолепием, так сильно действующим на воображение. Как нарочно, великий князь московский Иоанн III женится на греческой царевне, воспитанной в Италии. Она способствует мужу выделиться из среды новых служилых князей и старых дружинников, переменить старые отношения, старые обычаи к выгоде значения государева, к невыгоде прежних вольных дружинников, которым уже больше нет вольного перехода. Знать, стоявшая на первых местах, вступила в борьбу с хитрою гречанкою, но та успела выйти победительницею из борьбы; сын ее, воспитанный в этой борьбе, крепко в нее запутанный, вступает на великокняжеский престол по смерти отцовской. Последнее время московских Рюриковичей прошло в ожесточенной борьбе с притязаниями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольных дружин и которая в сочинениях одного из даровитых своих членов оставила потомству горькие жалобы на новый порядок, столь для нее тяжелый, и на роковую гречанку, будто бы его принесшую в царство Русское.

Борьба, принявшая напоследок кровавый характер, кончилась, как следовало ожидать, не к выгоде московской знати, которая должна была забыть старые предания вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедиминовичи стали называться холопами великого государя, писаться уничижительными полуименами. Но, несмотря на тяжелые обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживают свое первенствующее значение, высшие места в управлении. Иоанн Грозный в своей ожесточенной вражде к ним не отнимает у них этого значения, этих мест, не дает их значения, их мест людям новым, низкого происхождения. Грозный, подозревая и ненавидя бояр своих, оставляет их в прежнем значении, даже рискует усилить его, поставляя их в челе земского управления; он не прогоняет бояр, но сам скорее убегает от них, окруженный новою, преданною дружиною – опричниками. Но в начале XVII века для московского боярства настало время хуже времени Грозного, Смутное время. Явились два царя, два двора; кто не мог получить высшей чести при одном дворе, переходил к другому; Тушино наполнилось людьми разного происхождения, которые там искали случая подняться. Когда Тушино рассыпалось, эти люди забежали под Смоленск к королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потом московские бояре присягнули королевичу Владиславу, чтоб только избавиться от козацкого царя, самозванца, от владычества своих холопей, то с ужасом увидели, что к ним в думу по милости королевской сел торговый мужик Андронов и всем распоряжается. Несмотря на то, бояре крепко держатся за королевича; но земля не хочет его, увидев за ним или еще перед

ним старого короля с иезуитами; земля встала, выставила ополчение для борьбы с поляками и козаками, вожди этого ополчения – люди второстепенные, из родов захудалых, если и бояре, то тушинские, а бояре настоящие, московские, сидят с поляками в Кремле. Когда буря миновала, все начало успокаиваться, оказался недочет в тех людях, которых привыкли видеть в челе полков, на первых местах в думе. Пошли новые люди, не имевшие уже тех преданий и того значения, как прежние *столпы*. Это дает возможность людям неродовитым пробиваться к высшей чести, к боярству, разумеется, сначала медленно, не без ропота и выходов со стороны знатных родов; но пример уже подан в боярстве Ордина-Нащокина и Матвеева. А тут у дверей новые неизбежные преобразования: войны трудные, войны в обширных размерах требуют искусства ратного, как у других народов, требуют нового строя, нового воеводского распорядка; Московское государство не может долее сохранять своей старины, родового быта с его счетами, которые препятствовали всякому разумному распределению воевод; не может при своих государственных отправлениях довольствоваться простым древнекняжеским устройством, не может довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразования принадлежат уже к новой истории.

Посмотрим теперь на духовенство, какое положение получило оно при образовании Московского государства и в каком положении встретило эпоху преобразования? Мы упоминали, какое особенно важное значение в древней Руси мог бы иметь единый митрополит при многих князьях, если б этот митрополит был русский. После окончательного опустошения Юго-Западной Руси, когда жизненные силы отлили на северо-восток, и митрополиты начали, естественно, стремиться туда же и наконец совершенно переселились.

С удалением митрополии на север, т. е. с удалением от Греции, сейчас же начинают являться митрополиты из русских, хотя сначала меняясь с греками, и в доказательство, как важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которых имена соединяются в нашей церковной и политической истории как важнейших деятелей, именно русские: Петр, Алексей, Иона. Из них самое видное место принадлежит Алексию, при котором значение митрополита достигло высшей степени: он поддерживает московского князя и княжество; он старается усиливать их всеми зависящими от него средствами. Понятно, какое влияние на ход последующих событий могло иметь то обстоятельство, если бы значение митрополита относительно великого князя поддержалось на той высоте, на какой оно находилось при Алексии благодаря достоинствам его преемников. Алексей именно хотел видеть своим преемником человека, имевшего великое значение в земле, великую славу святости, Сергия Радонежского; но святой пустынный с ужасом смирения отверг предлагаемую честь. Великий князь Дмитрий хотел видеть преемником Алексея своего человека, своего печатника Митяя, хотя св. Алексей неохотно соглашался на это. Митяю не удалось сделаться митрополитом; но митрополию постигла беда: явилось несколько митрополитов-соперников, из которых великий князь мог выбирать, смотря по обстоятельствам; митрополита Алексея больше не было, в митрополии слабость, ибо разделение и борьба, а великим князем Димитрий Донской. Важно было положение единого митрополита вся Русь при двух великих князьях, московском и литовском; но митрополия скоро разделилась на восточную и западную: Москва осталась со своим митрополитом, Киев получил своего. Наконец, для московского митрополита прекратилась и зависимость от византийского патриарха вследствие смут в Константинополе и взятия его турками. Все эти события одновременны с окончательным усилением великокняжеской власти в Москве; положение московского митрополита этим окончательно определяется.

Для положения старинной русской знати, равно как и для положения духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословиями было мало связи, не было обычая, как на западе, чтобы члены знатных родов поступали в духовное звание и достигали архиерейства. Митрополит Алексей был сын знатного московского боярина; невольный постриженник Вассиан Косой (князь Патрикеев) показал очень ясно, какие могут быть следствия соединения в одном лице духовного характера с знатностью происхождения, связями и пре-

даниями. Противник Вассиана, Иосиф Волоцкий, человек так называемого благородного происхождения, настаивал на удержании за монастырями деревень именно с тою целию, чтобы можно было постригаться *честным* людям, которые потом должны были занимать высшие места в иерархии. Деревни остались за монастырями, но то, чего хотел Иосиф, не произошло или было редким явлением. Что касается до белого духовенства, то обязательность брака должна была изначала оказывать большое влияние на его положение: оно получило возможность восполняться из среды самого себя; но было еще другое условие, которое могущественно содействовало обособлению духовенства. Известно, как тяготила правительство малочисленность народонаселения в России, как дорог был вследствие этого человек, и великий князь Василий Димитриевич заключил договор с митрополитом Киприаном, чтобы тот не принимал в свое духовное ведомство, т. е. не ставил в священники, слуг великокняжеских.

Несмотря на некоторые невыгоды своего положения, духовенство в древней России сохраняло важное значение, именно сохраняло характер учительного сословия исключительно. Просвещение заключалось в церковных книгах, и духовенству принадлежало истолкование их. Духовенство было единственным обязательно просвещенным сословием в России: боярин не был даже обязан уметь читать и писать; священник не мог не быть грамотным; дьяк и подьячий были грамотны, но их грамотность служила им только внешним средством для достижения известной цели: тогда как от священника требовалась не одна грамотность, от него требовалась учительность, и никто не отрицал у него права на исключительную учительность. Были нарекания, что русское духовенство недовольно учительно и что ведет себя не так, как следует учителям, но никто не отрицал права учить, никто не заподозревал вообще чистоты учения. Но во второй половине XVII века по поводу исправления книг часть паствы отказывается повиноваться пастырям; авторитет патриарха, патриархов, собора не имеет силы над людьми, которым кажется, что их заставляют молиться не так, как молились предки, они провозглашают, что архиереи и священники учат неправильно и что повиноваться им не следует; некоторые увлечены и отказывают явно в повиновении духовенству, другие, не решаясь на последнее, остаются в недоумении и, не умея решить вопроса, на чьей стороне правда, охладевают к церкви. Таким образом, духовенство приобретает внутренних врагов, *церковных мятежников*, которые вооружаются против его прежнего значения, стараются выставить его недостойнство. Эти враги ратуют за старину, вооружаются против духовенства за нововведения; но уже обозначаются враги другого рода. Между русскими людьми начинает сильно чувствоваться необходимость учения, которым стали сильны другие народы; но для приобретения познаний нужны учителя, этими учителями могут быть только иностранцы, иноверцы. Страшные гости! Они явятся со всем авторитетом учителей, с полным сознанием своего превосходства пред учениками, и те признают это превосходство. Таким образом, подле прежних учителей, прежних авторитетов являются новые учителя, новые авторитеты, не признающие значения прежних учителей и не упускающие случая выразить это непризнание обидным образом. Как разграничить право тех и других? Как, признав превосходство новых учителей во всем, не признать этого превосходства в одном? Где взять такой самостоятельности, силы мысли, исследования и знания в учениках? В таком затруднительном положении находилось духовенство в начале новой русской истории; с двух сторон враги, вооружившиеся против его прежнего значения, прежнего достоинства: с одной стороны, приверженцы старого, отказавшие в послушании церкви, пошедшие вслед своих особых учителей, не знающих меры в своих напаках на духовенство; с другой стороны, просвещение перестает носить исключительно церковный характер, подле учителей церковных являются светские, иностранцы, иноверцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться с церковными учителями при обнаружении своего влияния на учеников: последние, находясь под двойным влиянием, будут подчиняться тому или другому, смотря по разным условиям своей природы, своего положения и других случайных обстоятельств.

Мы видели, при каком отношении городов к князю началась северная русская история, видели, как при первом же князе, захотевшем прочно утвердиться на севере, необходимо последовало столкновение его с дружиною и городом, который считал себя также властью в окружающей стране. Андрей Боголюбский погиб вследствие новых отношений к дружине; но преемники его воспользовались своими отношениями к большинству северных городов, городов новых, и успели осилить старый вечевой город Ростов, отнять у его жителей значение властей. Вследствие этого в области верхней Волги, в области новорожденного Московского государства, явилась только одна власть, власть княжеская. Но на западе представителем старинного двоевластия, власти княжеской и власти города, явился Новгород Великий, с явным преимуществом власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья менялись беспрестанно. Начинается борьба между северным единовластителем и Новгородом, как представителем древнего двоевластия. Новгород стоит за то, что он власть, он государь: великий князь требует, чтоб он был признан государем, чтобы в Новгороде была одна власть государева. Великий князь победил, ибо Новгород представлял собою библейскую статую с золотою головою и глиняными ногами. Несколько знатных и богатых фамилий захватили в свои руки всю власть и наполнили последнее время новгородской истории своими усобицами. Разрыв между их интересами и интересами низшего народонаселения произошел давно; давно послышалась жалоба, что богатые хотят себе легко, а бедным тяжело; движения последних прекращаются; ясно видно, что их сила сломлена знатью, на вече господствуют люди, находящиеся на жалованье последней, и силою решают дела в пользу своих милостивцев. Но легко понять, что следствием такого положения дел была страшная внутренняя слабость. Люди, в руках которых власть, не могут рассчитывать на низшие слои народонаселения, которые становятся все равнодушнее к старой воле, приносящей пользу не им. Вот почему в борьбе своей с великим князем московским правители Новгорода начинают постоянно деньгами выкупать свою волю страшное средство, всего лучше показывавшее великим князьям слабость Новгорода, легкость, с какою можно его покорить окончательно. Бьет последний час; банкротство нравственных и политических сил Новгорода обнаруживается вполне; разрыв интересов совершенный: новгородцы толпами бегут в Москву – *за правдою!* В Новгороде нет правды, нет беспристрастного суда, насилие сильных попирает закон, старинные, освященные формы быта дороги для немногих, для остальных же не дают ручательства самым главным интересам, не удовлетворяют первым потребностям общественной жизни; для низшего, притесненного народонаселения великий князь московский является сокрушителем силы людей, которые так тяжело давали чувствовать свою силу. Наконец, разрыв произошел относительно самого важного интереса: чтоб спастись от Москвы, знать хотела присоединиться к Литве; но с Москвою соединяла Новгород церковная старина: явился вопрос: где ставить владыку новгородского – в Москве или Киеве? Киеве, который находился под властью великого князя литовского, латинца, от митрополита, на которого смотрели на севере как на отщепенца, склонившегося к Риму: тогда как в Москве сохранялось ненарушимо древнее православие. Мы знаем, какие явления производили попытки ввести церковные новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивление в большинстве новгородцев встретила попытка отложиться от московского митрополита; а зависимость церковная была так тесно связана с политической.

Существование богатого торгового Новгорода на севере подле бедной городовым развитием Низовой, или Суздальской, земли представляет печальное явление, потому что указывает на односторонность, всегда вредную в жизни народов. В одном углу город, вследствие прилива богатств неестественно вздувшийся в государство, но сохранивший всю неразвитость и слабость первоначального вечевого быта с обширными, хотя растянутыми, несплоченными и большею частью пустынными владениями, с язвою разрыва интересов между частями народонаселения внутри, с недостаточностью средств внешней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владений. В другой половине обширная, населяющаяся страна, населяю-

щаяся при условиях неблагоприятных; города ее большие села, которым некогда и нет средств подняться, приобрести значение. Страна бедная, малонаселенная, а между тем внутри происходит великий процесс собирания земли, сосредоточения, объединения власти; для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьям для покупки земель, владений, нужны деньги для Орды; наконец, когда новое государство укрепилось чрез собирание земли, оно нашлось в самом невыгодном положении относительно границ своих. Отношения России к Азии не изменились: также подле степь с хищными кочевниками, от которых должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться: на западной, европейской границе также постоянная борьба с непримиримыми врагами. Нужны деньги, и фискальная система всю тяжесть падает на промышленный люд городской, немногочисленный и небогатый, что, разумеется, также служит сильным препятствием к обогащению, народ разоряется, не будучи богатым; сюда же для большего разорения присоединяется первоначальная дружинная система кормления, содержание служилых людей по воеводствам на счет управляемого народонаселения, обращение правительственных должностей в жалованье и пенсии служилым людям. В фискальном отношении состояние городов Московского государства очень напоминает состояние городов Римской империи по время ее падения: и здесь, и там видим разорительные тяжести и службы, падающие на горожан, которых силою надобно удерживать на своих местах. Прежде всего в фискальных видах московские князья стараются прикрепить горожан к их городам, чтобы получать постоянный доход с известного числа тягол. Гоньба за человеком, за рабочею, промышленною силою в обширном, но бедном и пустынном государстве делается существенным занятием правительства: ушел – поймать его и прикрепить к месту, чтоб работал, промышленял и платил. Легко понять, какие должны были быть следствия. Если правительство гонялось за человеком и старалось прикрепить его к одному месту, чтоб заставить, платить подати и служить безвозмездные службы, но сопряженные с тяжелою ответственностью, то у человека, разоряемого податями и службами, господствующим желанием было отбыть во что бы то ни стало от податей и служб. Первым средством был уход, укрывательство; уйти было легко, всюду простор, и без того малонаселенная страна постоянно истощалась от этого ухода; народонаселение все более и более расплывалось по Северо-Восточной Европе и потом по Северной Азии. Но, несмотря на скудость хозяйства древнего русского человека, на возможность легко забрать все с собою, уход, покинутые родных мест, странническая жизнь, сопряженная с опасностями, неизвестность будущего – все это для многих могло быть тяжело, не для всех возможно. Были еще другие средства – для грамотных поступление в подьячие; выход этот был очень выгоден: посадский из человека, обязанного кормить других на свой счет, становился человеком, имеющим право кормиться на чужой счет. Понятно, как это стремление к выходу в подьячие должно было быть сильно; но правительство неблагоприятно смотрело на него и ставило преграды. Третий способ отбывания от податей был закладничество. Самый крепкий частный союз русского общества во все продолжение нашей древней истории представлялся в союзе кровном, или родовом. По смерти отца старший брат занимал его место относительно младших братьев и племянников, являлся представителем рода перед правительством; известное лицо не представлялось одиночным, но всегда с братьями и племянниками. Несмотря даже на выделы и разветвления рода, единство его сохранялось, старший или старшие (смотря по разветвлению рода) имели обязанность наблюдать за поведением младших, наказывать их за дурное поведение, отвечали за него перед правительством. Род, как бы разветвлен ни был, составлял одно относительно службы государственной: прибавление чести одному члену рода прибавляло ее и всем членам, поруха чести одного нарушала честь и права всех остальных, на чем и основывалось знаменитое местничество. Но кроме родового союза особые условия общества должны были повести и к другим союзам. Беспомощность людей одиноких, не примыкающих к большому роду, бессемейных, заставляла их примыкать к чужим людям семейным, к чужим родам, составлять с ними одно целое по взаимному соглашению; так, подле само-

стоятельного хозяина, живущего с родом своим, детьми, братьями и племянниками, являлись чужие люди, но составлявшие с ними одно в глазах правительства; они носили разные названия – соседей, подсоседников, захребетников. Наконец, тяжелые подати, лежавшие на промыслах, заставляли промышленных людей уклоняться от непосредственной зависимости от государства, требовавшего слишком больших пожертвований с их стороны, и входить в зависимость к частным людям, которые могли дать им защиту; это называлось *закладываться за кого-нибудь*; закладчики промышляли, не будучи обязаны *тянуть* с горожанами, с посадскими в тяжелые службы и подати, ибо считались зависящими от того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиков немедленно должны были столкнуться с интересами горожан, находящихся в непосредственной зависимости от государства, и с интересами, разумеется, самого государства: закладчики, пользуясь свободой от тягла, отбивали промыслы у людей тяглых, которые не могли с ними соперничать, разорялись, не были в состоянии удовлетворять требованиям государства. Их жалобы произвели то, что в начале царствования Алексея Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселение обязано было войти в непосредственные отношения к государству. Закладчикам была крайне тяжела эта эмансипация городского народонаселения, они даже замыслили восстание чтоб возвратить себе право вступать в частную зависимость, – явление, всего лучше показывающее низкую степень экономического развития в Московском государстве.

Города были бедны вообще, разбросаны на больших расстояниях друг от друга при очень неудовлетворительном состоянии путей сообщения. Самые богатые из них, наиболее торговые по особенно благоприятным условиям положения, поражают малочисленностью народонаселения своего. Но был один город, который и вследствие выгоды своего положения, особенно же вследствие политического значения своего, как стольный город царя-самодержца, должен был необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизация притягивала в Москву постоянно толпы людей из всех концов России, людей, которые должны были тратить много денег в царствующем граде: знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточием гражданского управления, Москва была средоточием и церковного; знать жила в ней безвыездно около великого государя. Легко понять, что торговая и промышленная деятельность здесь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество. О богатстве и значении московских купцов можно встретить известия даже во время до Иоанна III. Некомат Сурожанин действует заодно с знатным Вельяминовым, сыном тысяцкого, и самое уничтожение сана тысяцкого показывает, что великий князь не считал удобным назначать для московских горожан постоянного воеводу, который мог сделаться популярным и приобрести опасное значение. Встречается известие о гостях московских, которые подняли крамолу против великого князя и ушли из Москвы. Но все это частные явления, которые видим во время образования Московского княжества, в переходную эпоху, когда еще новый порядок не установился прочно, когда еще кроме великого князя московского были другие великие князья, к которым могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластие в Москве, то уже подобных явлений более не встречается. В древности городские жители имели то важное значение, что участвовали своими особыми полками в военных действиях, которых исход во время княжеских усобиц много зависел от них. Даже в начале княжения Иоанна III московские полки отправлялись на рать с особым воеводою. Но потом установление многочисленного помещичьего войска дало правительству возможность не нуждаться более в городских полках; горожане перестают участвовать в войсках, становятся вполне сословием невооруженным, вполне *мужиками, полулюдьми* относительно полных людей, мужей, т. е. вооруженных, ибо по тогдашним понятиям только вооруженный, только воин был полный, полноправный человек.

При первом царе, Иоанне IV, значение горожан, и особенно московских, поднимается. Видя, в знати людей со старинными дружинными притязаниями, заподозрив их в сильном

нерасположении к себе, к своему семейству, Грозный по известному закону начал искать другой силы, на которую мог бы опереться. Он торжественно, с Лобного места, объявил народу о беспорядках боярского правления во время своего малолетства; уезжая из Москвы, выставив измену бояр, потаковничество им духовенства, он объявлял, что ничего не имеет против горожан московских; наконец, призвал последних на собор, рассуждавший о важных делах государственных. По всей России Грозный хочет дать самоуправление мирам городским и сельским, вывести наместников и волостелей и заменить их выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самым лучшим доказательством неразвитости этих миров послужило то, что мера Грозного не принялась, многие миры не приняли от правительства дара самоуправления. Только там, где развитие было посильнее, где почва была более приготовлена, царствование Иоанна не прошло бесследно; оно не прошло бесследно для горожан московских; как поднялось их значение, ясно видно из того участия, какое они принимают в движениях партий в царствование преемника Иоаннова, чего прежде не видим ни в малолетство Иоанна, ни при отце его, ни при деде. В борьбе Шуйских с Годуновым купцы московские принимают сторону Шуйских; ясно понимают, в чем дело, понимают, что примирение между соперниками невозможно, и, когда Шуйский объявляет им об этом примирении, отвечают ему: «Ты помирился нашими головами». Действительно, головы их попадали на плахе; Годунов, истребив лучших людей между ними, задав страх остальным, уничтожил в самом зачатке то значение московских горожан, которое было следствием поведения Иоаннова относительно их. Смутное время возбудило, по-видимому, самостоятельную деятельность в городском народонаселении, и царствование Михаила было богато соборами, в которых представители городского народонаселения принимают участие; но если и до Смутного времени города были незначительны, бедны, то тут были страшно разорены; надобно было кое-как оправиться в материальном отношении и поддержать государство, поддержать нового государя против ляхов и козаков. Вопрос о тягле на первом плане: тяглые разорились, разбежались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратить беглецов на прежние места жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые промышляют, а не тянут; промышляют служилые люди, духовенство, закладчики, надобно заставить и их тянуть; иностранные купцы разоряют, они богаты, они действуют заодно, русским с ними не стянуть, русские бедны и действуют врознь; наконец, воеводы и приказные люди разоряют; вот три существенные вопроса, которые поглощают все внимание русского горожанина XVII века после Смутного времени; замена воевод выборными губными старостами не помогает: выборный губной староста так же разоряет, как и воевода. Жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея, следствием чего было Соборное Уложение, уничтожение закладничества, мера против английских купцов; но всего любопытнее то, что Уложение Соборное, составленное с ведома, за подписью выборных из всяких чинов людей, составленное под влиянием страха пред восстаниями горожан, для их успокоения, с явными уступками их требованиям, – это Уложение является враждебным мирскому самоуправлению; так, оно вполне предоставляет суд воеводам и приказным людям, по Уложению в суде уже не сидят старосты, целовальники и земские дьяки. Возмущения псковское и новгородское являются одиночными и потухают вследствие этого одиночества. В этих движениях и во втором бунте московском замечаем уже разрыв интересов массы городского народонаселения и значительных торговых людей, против которых направлена ненависть массы; легко понять, как вообще должна была ослаблять силы городского народонаселения эта борьба лучших и меньших, силы и без того не великие. Эту язву XVII век передал и XVIII, как увидим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.